

18+
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Елена Щелканова

С*КСИ МАУС

18+

Елена Щелканова

Секси маус

«Автор»

2026

Щелканова Е.

Секси маус / Е. Щелканова — «Автор», 2026

Когда твоя бабушка носит желтую кенгуруху с надписью "Sexy mouse", а первое слово, которое ты прочитал, это слово из трех букв на трансформаторной будке, единственное что остается - писать об этом. Лебедь из шины, тюльпаны на газоне под окнами, тетя Лариса, которая любит всех, но всегда засыпает одна, учитель труда Коля, живущий чужую жизнь, и кто-то неведомый, кто живет жизнь Коли, большие надежды и разбитые мечты. А вдруг у кого-то все же получится? Ведь есть место, где все мы выбираем свою будущую жизнь, жаль, не все об этом помнят. Сборник смешных, грустных и философских рассказов о детстве и юности в девяностые.

© Щелканова Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

У нас всегда идет дождь	6
Плотина	8
Три веселых буквы	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Елена Щелканова

Секси маус

Должен же кто-то быть sexy mouse.

У нас всегда идет дождь

У мамы с дождем непростые отношения.

Вроде бы по телевизору всегда передают прогноз погоды на завтра, но мама доверяет только своему чутью. Чутье у мамы что надо. Жаль только, именно на дождь оно не работает.

С утра мама смотрит на небо, и, бог знает по каким критериям она решает, будет дождь или нет. Она говорит: «Облака перистые! К перемене погоды» и таскается весь день с зонтом. Или говорит: «Облака кучевые! При таких облаках дождя не бывает», но дождь как будто только этого и ждет и застаёт маму врасплох.

Вначале у мамы было всего два страха, связанных с дождем, и у каждого страха по одному вытекающему последствию: промокнуть и получить пневмонию, попасть в грозу и угодить под удар молнии.

Естественно, у нас имелась масса примеров и на первый случай, и на второй.

Промокла и умерла от пневмонии дочка соседки с четвертого этажа. Ей еще отдавали мою одежду, потому что она была на пару лет младше. И потом (после трагедии), встречая меня, соседка всегда сетовала на то, что «другие вот живут».

А от неоднократных ударов молнии у нас в Сосновом окончательно свихнулся лагерный сантехник по кличке Водяной. Он и до ударов молнии был не то чтобы совсем здоров, а после - стал путать имена и события и угрожал всем страшными предсказаниями. И хотя все знали, что он тронулся, в предсказания верили и дружно ждали апокалипсиса, который он нам всем сулил. Говорили, что он, помимо всего прочего, сам привлекает молнии, поэтому (а не только по причине его предсказаний) жить рядом с ним было страшновато, но альтернативы никто не предлагал.

Надо сказать, несмотря на особую бдительность, мы с мамой попадали в дождь и грозу регулярно. Так как у нас никогда не оказывалось в нужный момент зонтика, мы почему-то прятались под деревья, но они не спасали. С мамой я промокала полностью, тотально и насквозь, так что не оставалось ни одной сухой нитки. Потом мы абсолютно мокрые продолжали дожидаться под деревом, когда капли станут редкими, и в хлюпающей обуви шли домой. Сушили на холодных батареях мокрую, затвердевшую от песка и пыли одежду и под крики бабушки пили теплый чай.

В 1986 году к страху молнии и пневмонии добавился третий - страх радиации.

26 апреля 1986 года в субботу мы с папой и мамой пошли на прогулку.

Дождь не передавали, и мама в тот раз была солидарна с синоптиками. Поэтому, мы шли к метро налегке, на удивление, в хорошем настроении, что для нашей семьи большая редкость.

Вдруг с абсолютно чистого неба начал накрапывать дождь. Мы с папой сделали вид, что дождя нет, но мама нас не поддержала.

- Сеня, Сеня, надо возвращаться, - тревожно просила мама.
 - Пустяки, - отмахивался папа и поднимал воротник у куртки. - Две капли, это не дождь.
 - Сеня, вот газета, накройся, - уговаривала мама.
 - Не буду, - геройствовал папа, и мы продолжали путь.
- Мне никто не предлагал газету, у меня на голове была шапка во все время года.

Хотя, если подумать, единственная газета вряд ли пошла бы на меня, в любом случае.

Итак, мы продолжили путь под дождем, а когда вернулись домой, по телевизору передали, что ночью на четвертном энергоблоке Чернобыльской АЭС произошел взрыв.

Мама схватилась за сердце. Все ее тайные и явные страхи наконец-то воплотились в реальность. Смертоносный дождь нес радиацию. Нас ждал мир наполненный мутантами, где по улицам шастали в поисках добычи нетипично агрессивные телята с тремя головами и собаки с головами кошек, а лысые люди с лучевой болезнью насиловали и грабили друг друга в предсмертной агонии.

Мама трясущимися руками накапала нам с папой йод в воду и заставила вымыть головы. Папа вымыл себе голову сам, а мне мыла голову мама, и я с ужасом, сквозь потоки шампуня «Кря-Кря» наблюдала, не окажутся ли сейчас все мои волосы на дне ванной. Но они почему-то остались на месте. А у папы итак не было волос, ему, наверное, было не так страшно как мне, поэтому, он и пошел мыться первым. Не смотря на все эти меры, мы понимали, что все напрасно, и просто покорно ждали беды.

Но время шло, трехголовые телята не появлялись, (точнее, в желтой прессе появлялись, но лично из наших знакомых их так никто и не видел), никто как-то сверхъестественно быстро не лысел, и прямо на улицах никто не падал сраженный замертво лучевой болезнью, но это не притупляло нашу бдительность.

Отныне все последующие дожди официально стали для нас радиоактивными. А уж какому из этих дождей суждено было добить каждого из нас - этого никто не знал. И этот элемент рока или русской рулетки делал нашу жизнь еще непредсказуемее и опаснее.

С тех пор, стоило мне куда-то собраться, бабушка продолжала пугать меня маньяками, свежесвыпущенными на свободу, а мама цитировала прогноз погоды, что именно сегодня ожидается дождь.

Дождь, надо отметить, ожидался у нас на Удачном проспекте с того дня, 26 апреля 1986 года, ежедневно.

Скорее всего именно этот бесконечный дождь и препятствовал жителям нашей девятиэтажки строить личную жизнь, карьеру и прочие социальные активности за пределами дома.

Все жители как-будто приросли к дому, и сплотившись перед надвигающимся радиоактивным апокалипсисом так и остались на своих местах. Кто-то на скамейке, кто-то у трансформаторной будки, кто-то на газоне. Даже сорок лет спустя их можно обнаружить там же. В шаговой доступности от спасительного подъезда - последнего оплота ускользающего мира.

Плотина

Летом, когда мне было шесть лет, мы с тетей Лизой пошли на плотину.

Плотина в Сосновом - главная достопримечательность, и ходить туда - всегда праздник. Единственное, идти до плотины долго, и чтобы отважиться на такой поход, должны сойтись особые звезды. Поэтому, мы ходили на плотину за все лето считанные разы, когда все условия каким-то чудом совпадали.

В тот раз чудо случилось дважды, во-первых, совпали необходимые для похода на плотину условия, а именно: идеально чистое небо, теплая погода, и я ничем не болею уже неделю и вроде не болеваю прямо сейчас, а во-вторых, мне впервые в жизни разрешили идти на прогулку не с родителями (которые были в отъезде), а, можно сказать, с чужим человеком.

Хотя тетя Лиза - мамина лучшая подруга, но в вопросах безопасности ребенка никакая дружба ни в счет. Бабушка, конечно, не хотела меня отпускать и предлагала альтернативу, качаться на качелях перед домом как «все нормальные дети», но тетя Лиза настояла.

- Ну что вы, Сима Борисовна, ребенка мне не доверяете? Моей Юле уже 14, я же ее вырастила как-то, и Лену не потеряю, погуляем и вернемся.

- Лиза! Не сравнивай хер с пальцем! Юля у тебя ребенок как ребенок, а это ребенок - инвалид.

На этих словах бабушка покрутила пальцем у виска, демонстрируя в какой области я инвалид, но Лизу это не испугало.

- Ой, Сима Борисовна, Юля у нас тоже не подарок.

- Ладно, - вдруг махнула рукой бабушка. - Но пусть надевает самую теплую куртку, чтобы ее не продуло, и шапку, у нее отиты не прекращаются. И возьми «Супрастин», Отек Квинке был на прошлой неделе.

Как только вздыхающая и качающая головой бабушка пропала из поля зрения, Лиза сняла с меня куртку и шапку, а потом еще кофту. Я шла как обычный ребенок в одной футболке и держала Лизу за руку, нам светило солнце. Почти всю прошлую неделю я гуляла по полчаса в день, только у дома, потому что до этого очень тяжело болела две недели подряд. Теплый ветер на голых руках, голова без шапки, птичий гомон, пыль под ногами, воздух гудит, а впереди плотина - хотелось петь от счастья, жаль, слуха у меня нет (папа называет это: «медведь наступил на ухо»), поэтому я знала, что лучше не позориться, и просто счастливо молчала.

Тетя Лиза самая красивая взрослая из всех, кого я знаю. Футболка у нее мягкая, синяя, как будто бархатная. «Везет же Юльке, - думаю я, - такая мама!».

Мне, в принципе, было достаточно уже всего этого: Лизы, солнца, ветра, моих голых рук, но мы дошли до плотины.

Бурная Красная река спадала вниз бушующим, пенящимся водопадом и разливалась в безмятежное бескрайнее озеро. Мы стояли держась за ржавые перила, пахнущие мокрым

металлом, в лицо летели брызги, весь воздух был влажным, в нем можно было разглядеть радуги.

«Как мне сохранить это? - думала я на обратном пути. - Лизу, ветер, брызги на лице, свободу. Что я вынесу из этого дня?»

Перед домом Лиза надела на меня кофту, куртку и шапку и протянула конфету, желтый леденец в прозрачной обертке:

- Пусть это будет нашим секретом.

- Вот, Сима Борисовна, ваша Лена, живая, здоровая.

- Не сглазь, Лиза, ей до здоровой, как до Москвы раком, - отмахнулась бабушка. - Сама не понимаю, как я вас отпустила, и обед пропустили, при таком-то критическом весе.

А у меня в кармане лежал леденец. Я придерживала его рукой. И я была спокойна, наш секрет с тетей Лизой и этот день теперь сохранятся. Я умею хранить дни и секреты.

Три веселых буквы

Мой папа филателист. Бабушка говорит, что хуже филателиста только алкоголик. Но в принципе, это почти одно и то же: и алкоголики, и филателисты придаются пороку и не думают о своей семье.

Папа придается пороку по четвергам, ровно в 19-00, в районе метро Лиговский проспект. Это все, что нам известно.

Мама не то чтобы в восторге от папиного порочного хобби, но ни одним словом не выражает недовольства. Она всегда и во всем с папой заодно. Пусть даже только внешне.

И, как известно, все пороки заразны и имеют свойство распространяться. Папа, как бабушка и опасалась, активно привлекает меня к увлечению марками.

Папа по собственной инициативе купил мне альбом для марок и предложил собирать коллекцию. Я выбрала тему флоры и фауны, и папа это одобрил. Поэтому по субботам, если я хорошо веду себя всю неделю, мы с папой ходим в Филателию около Универсама. И пока весь район с утра стоит в очереди за водкой, мы покупаем одну или две марки лично для меня. А если я сделала что-то особенно выдающееся, то папа покупает мне целый блок.

Вот тут-то и начинается самое интересное. Я очень плохо себя веду. Причем, я такая уже с рождения. Бабушка говорит, что это плачевный результат поздних родов и дурные гены моего отца-скорпиона. Но папа поздние роды, гены и знаки зодиака не признает и считает, что даже из самого худшего ребенка (такого как я) путем воспитания можно вырастить Человека. Главное, не опускать рук. И папа не опускает. Ежедневное чтение перед сном и поход в Филателию за марками по субботам, вот папины пряники. Еще есть амбарная книга в которой папа рисует мне рыб. Папа, кстати, рисует как настоящий художник. Подводный мир у него совершенно живой. Еще у него совершенно живые оплеухи, папа пытается воспитать меня не только пряником - но и кнутом.

Бабушка категорически против кнута. Поэтому я причина всех скандалов в семье. Я не слушаюсь, папа меня бьет, бабушка орет на папу, мама бежит за всеми нами и плачет, приходит соседка нижеэтажом и грозит вызвать милицию.

По количеству скандалов в семье и марок у меня в альбоме можно сделать выводы о том, как я себя веду.

Марок (с учетом, что я коллекционирую их почти всю жизнь) еле хватает на две странички, и всего один блок из четырех марок с бабочками.

Мне очень хочется быть настолько хорошей, чтобы папа покупал мне марки, а может даже и блоки, читал на ночь и рисовал рыб в амбарной книге, так сильно хочется, что при виде папы в меня вселяется какой-то демон. Я с дикими криками ношусь по квартире, сбиваю мебель и прыгаю на кроватях. Нормальные дети так никогда себя не ведут.

Однажды трансформаторную будку перед нашим подъездом красят в ярко-желтый цвет. Она так чиста и непорочна, что кто-то из жителей спешит срочно обуздать ее свежий и нездешний вид. Уж слишком она выделяется на общем фоне и слишком подчеркивает царящее вокруг несовершенство.

На будке красной краской огромными буквами пишут слово ХУЙ.

Как только мы с бабушкой выходим из дома, чтобы идти за продуктами, первое, что мы видим это новое слово на новой окраске.

- Лена, не смотри! - кричит бабушка, и закрывает мне глаза рукой. - Не смотри, еж, твою!

Хотя, честно говоря, бабушка не стесняется при мне в выражениях. Но одно дело просто слово, сказанное в сердцах, а другое - слово написанное.

В принципе, бабушка зря напугалась.

Мне скоро в школу, но я еще не читаю. Это все по по причине моей чудовищной лени и чудовищного упрямства. Которые тоже напрямую связаны с поздними родами и дурными генами отца-скорпиона, а также, тем, что я по несчастливому совпадению родилась не только ребенком-инвалидом, но, как и папа, скорпионом. Я наотрез отказываюсь учить буквы и цифры. Хотя другие нормальные дети в моем возрасте уже пишут и читают.

Однако, увидев три ярко-алые буквы, мой мозг совершает невозможное. Я вдруг не только узнаю их (без всякого изучения), но и складываю в довольно знакомое слово.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.